

Бобрикова Т.А. (Пермь, ПГГПУ)

*Книга как локус ментального существования
(на материале романа Милорада Павича «Другое тело»)*

Аннотация. В статье представлен когнитивно-семиотический анализ одной из пространственных сред романа Милорада Павича «Другое тело» («*Drugo telo*») – ментального семиозиса книг (языкового сознания как библиотеки текстов). Формально персонажи романа пишут книги, редактируют их, читают, а в реальности «живут» в этом пространстве. Функциональная нагрузка упомянутых в романе книг («История о жизни и славных делах великого государя и императора Петра Первого», «Краткое введение в историю происхождения славяно-сербского народа» и др.) – хранилище знания, инструмент категоризации и систематизации мира, а также «другое тело» для своих авторов и читателей. В качестве нарративного инструмента книги являются соединительным звеном между физической реальностью, пространством снов, истории Европы и др., поскольку принадлежат этим локусам одновременно. В качестве знаков книги репрезентированы по индексальному типу. Однако обратной стороной номинаций выступает символический шлейф – стоящий за ними культурно-исторический смысл, формирующий один из текстов в тексте этого романа.

Ключевые слова: ментальный локус; семиозис; индексальная репрезентация; символическая репрезентация; литературное творчество; сербская литература; сербские писатели; романы.

Bobrikova T.A. (Perm, PGGPU)

*Slavic realities as a presupposition to the interpretation
of the novel “Other body” by Milorad Pavić*

Abstract. The subject of this article is the system of Slavic realities as a presupposition to the interpretation of the novel “Second Body” by Milorad Pavić. Among the main tasks of the work: systematization of the Slavic world realities, semiotic tools of their actualization, narrative function in the text. It is shown that the reverse

side of the predominantly index way of representation of realities (among them nominations of geographical loci, names of characters of Serbian history and culture, names of Cyrillic books, etc.) is their mandatory symbolizm (one of the reasons for the birth of extra-textual structures of the novel).

Keywords: mental locus; semiosis; index representation; symbolic representation; literary creation; Serbian literature Serbian writers; novels.

Предварительные замечания: исходные понятия и методология исследования. Основное направление работы связано с семиотическим анализом интеллектуального пространства в романе Милорада Павича «Другое тело» (“Drugo telo”). В частности, речь пойдёт о книгах как ментальных локусах существования человека.

Мы будем исходить из следующих положений. В основании человеческого существования лежит пространственное мышление. Человек живет на пересечении системы пересекающихся пространственных сред (физического пространства, пространства памяти, сновидений, истории, интеллектуального и др.). И поскольку все названные пространства актуализируются в языковом сознании, то границы между этими локусами не ощущаются. Действительно: где начинаются и заканчиваются воспоминание или сон? Эта ситуация – одна из тем романа Милорада Павича «Другое тело».

Объектом работы стало интеллектуальное пространство, под которым понимается пространство идей, эмоций, рождающихся в результате соприкосновения героев романа с книгами. Персонажи романа пишут книги, редактируют их, читают (в том числе, одни и те же), а в реальности «живут» в пространстве мысли – мире, созданном языком.

Цель работы – когнитивно-семиотический анализ вторичной действительности, создаваемой книгами-текстами, вернее, результатами их интерпретации. Отсюда *ментальный* характер этого пространства. Основные **задачи** связаны с определением книг как ментального локуса существования человека, выявлением степени актуализированности их «границ», семиотическо-

го способа их текстовой актуализации и нарративной функции в романе.

С семиотической точки зрения анализ ментального пространства предполагает выявление способа репрезентации объекта по типу индекса, иконы или символа [Пирс, 2000]. Индексы выполняют указательную функцию, отмечая точки пространства. Иконические знаки – «картины», замещающие объекты: это могут быть пейзажные, портретные, интерьерные характеристики и другие описания. В зависимости от степени достоверности и подобия они делятся на иконы-образы или иконы-схемы. Роль символического знака – замещать некую абстрактную идею. Выявление семиотического способа репрезентации позволяет определить характер «границ» книг как ментальных локусов и их текстовую актуализацию.

В рамках логико-семантического анализа языка [Фреге, 2000] актуализация происходит как знаковый процесс, включающий номинацию и предикацию. Имена направлены на номинацию (замещение) объектов, предикаты говорят о свойствах объектов и отношениях между ними. Семиотический и логико-семантический механизмы репрезентации работают по принципу дополнительности.

Языковое сознание как библиотека текстов. Система упомянутых в романе книг представляет собой переплетенную сеть имен и заглавий – **семиозис текстовых знаков**. Книги различаются по времени написания, языкам, авторам. Перед читателем разворачивается литературная история девяти столетий: от XIII века до начала XXI века (роман опубликован в 2006 г.).

Географическая карта языков, на которых написаны книги, охватывает территорию Европы. На *сербском языке* написаны книги Захарии Орфелина «Приветствие Моисею Путнику» (1757), «Апостольское молоко» (1763), «Славяно-сербский журнал» (1766), «История о жизни и славных делах великого государя и императора Петра Первого» (1772). Здесь же книги Гавриила Стефановича Венцловича: «Разглагольник», 1734 и «Преображение Господне», 1735. На сербском языке написано «Краткое введение в историю происхождения славяно-сербского народа» П. Юлинаца (1765) и «Внутренняя сторона ветра» (1991) – роман самого М. Павича.

На *латинском языке* создан труд «Ш lyricum vetus et novum» («Иллирия древняя и новая»). Упомянуты сочинения Иоанна Златоуста, которые написаны на *латинском и греческом языках*.

Главные персонажи романа – Лиза и писатель – обращаются к справочникам по каббалистике XIII века, написанным в оригинале на *древнееврейском языке*. Их интересуют *английский* экземпляр «Сефер ха-Темунах» («Книга образа») и *французский* перевод «Сефер ха-Зогар» («Книга сияния»).

Итальянский язык представлен в романе двумя произведениями: «Божественная комедия» Данте (1320) и «Istoria e descrizione della cita di Belgrado» («История и описание города Белграда») (1789), *английский* – книгами Эзры Паунда, комедией О. Уайльда «Как важно быть серьезным» (1895). В списке книг Орфелина оказываются труды на *французском языке* Вольтера «История Карла XII» (1731), «История Петра Великого» (1760), на *немецком* – текст Филиппа Иоанна фон Страленберга «Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии».

Все перечисленные книги репрезентированы в романе индексально: приводятся только их названия и имена авторов. Сами книги, как материальные объекты, при этом не описаны: мы не знаем ни цвета их обложек, ни формата издания, ни толщины страниц. Однократно приведён визуально-ольфакторный экфрасис книг отца Ружички, которые испускали «запах переплетного клея и разноцветных чернил» [Павич, 2006, с. 236].

Однако за оборотной стороной номинаций книг всегда стоит символический подтекст: книги формируют культурно-исторический смысл романа и неслучайно упомянуты вместе со своими авторами. Захария Орфелин первым стал печатать книги на сербском языке, был родоначальником сербского барокко, выпустил первый журнал у южных славян [Павич, 2009]. Гавриил Стефанович Венцлович переводил библейскую литературу на сербский язык и первым начал писать проповеди на родном языке [Павић, 1972]. «Божественная комедия» Данте не только энциклопедия богословских, научных и философских знаний, это памятник итальянской и мировой культуры.

Система книг обладает отчётливой **функциональной нагрузкой**. Так, книги **хранят знания**. Личные библиотеки есть

у большинства персонажей романа: у писателя и Лизы, Захарии Орфелина, Гавриила Стефановича Венцловича, отца Ружички. Библиотека писателя и Лизы включала книги по истории и теории литературы, археологии, антропологии и др. Подробные списки книг мы обнаруживаем у Захарии и отца Ружички.

Книги – важнейшая **среда существования** для героев романа. Они буквально окружены книгами: «Лиза унаследовала привычку засыпать по вечерам с книгой в руках» [Павич, 2006, с. 14], а в комнате отца Ружички книгами было заполнено окно. Но персонажи не просто читают и коллекционируют книги, они являются их создателями. В романе представлены фигуры трех авторов – безымянного Писателя (это автопортрет Милорада Павича), Захарии Орфелина и Гавриила Стефановича Венцловича. Их книги выступают как пространство, в котором актуализируются память и воображения. Причём писатели настолько увлечены творческой деятельностью, что находятся на грани безумия. Как и в романе другого сербского писателя Горана Петровича «Книга с местом для свиданий» [Петрович, 2005], книги становятся локусом истинного существования человека. Перешагнув за порог книги, читатели начинают жить *там*, как живут *здесь* (т. е. в реальности): любят, надеются и верят.

Книги **картируют мир**, в буквальном смысле, позволяя героям создавать маршруты передвижения по физическому пространству. Увлеченные идеей существования другого тела Иисуса, Лиза и писатель читают Библию и следят за историей Его передвижений от воскресения из гроба до вознесения. Они ищут ответ на вопрос, почему долгая прогулка Иисуса после смерти разворачивается от Иудеи до Галилеи, и полагают, что своим путешествием Иисус хочет что-то сказать. Не найдя ответа в библейских картах «Ministry of Jesus» («Странствования Иисуса»), Лиза и писатель решают составить свою карту и отмечают на ней восемь мест, в которых бывал Иисус: «все эти ответвления берут начало в Иерусалиме. Одно шло на запад, от Иерусалима к Эммаусу, второе на север, к Галилейской горе, третье тоже на север, к Тивериадскому морю, а четвертое в сторону Вифании» [Павич, 2006, с. 185].

Проложенный на их карте маршрут представлял собой четыре ответвления из начальной точки в Иерусалиме и напоми-

нал предпоследнюю букву Шин из древнееврейского алфавита. Проанализировав справочники по каббалистике, они приходят к выводу, что послание Христа исходит из другого тела: «Старайся быть счастливым настолько, насколько это возможно!» [Павич, 2006, с. 189]. Так, книга становится картой продвижения по физическому миру.

Одно из важнейших положений романа – **книги как другое тело** человека. Писатель перед смертью слышит голоса написанных им книг, слетающих к нему со всех концов света: «Мы твое другое тело. Мы, твои книги. После смерти у тебя нет и не может быть никакого другого тела» [Павич, 2006, с. 183]. Писателю казалось, что читатели со всего мира возвращают его книги. В последние дни жизни он мысленно распределял созданные им книги на полках своей библиотеки, а однажды осенью сказал, что книги улетели вместе с птицами.

Книги выполняют функцию **нарративного инструмента**. Принадлежа одновременно нескольким пространственным средам, они являются, как и сны, точкой, где воедино сводится физическая реальность, память человека, интеллектуальная история и культура. Книга, как материальный объект, имеющий форму, вес, цвет, запах, есть часть физического мира. Но книга как текст, как пространство интерпретаций связана с памятью, историей, культурой (в романе это славянское и западноевропейское культурное пространство).

Заключительные замечания. Сделаем некоторые выводы. Анализ инструментов репрезентации книг как ментальных локусов позволяет говорить о том, что книги репрезентированы по индексальному типу. Однако оборотной стороной номинаций выступает стоящий за ними культурно-исторический смысл романа. **Эффект семиозиса книг** достигается следующим образом. Книги связаны между собой одним автором, языком или одним временем написания. Отличительной чертой книг является их функциональная нагрузка: они хранят знания, картируют мир, благодаря чему возможна связь человека с Богом. Книги, как нарративный инструмент, объединяют персонажей из разных исторических эпох. И особенно важна для Павича идея обретения тела после смерти: таким *другим телом* для писателя становятся его книги.

Литература

Павич М. Биография Белграда: [эссе] / пер. с серб. Л. Савельевой. – СПб.: Амфора, 2009. – 319 с.

Павич М. Другое тело: роман / пер. с серб. Л. Савельевой. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 336 с.

Петрович Г. Книга с местом для свиданий: роман / пер. с серб. Л. Савельевой. – СПб.: Амфора; ТИД Амфора, 2005. – 415 с.

Пирс Ч. Начала прагматизма / пер. с англ., предисловие В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – 352 с.

Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов / пер. с нем. Б. В. Бирюкова; под ред. З. А. Кузичевой. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.

Павић М. Гаврил Стефановић Венцловић. – Београд, 1972. – 326 с.